

И.Мониетти.
Проект Морского павильона
на Политехнической выставке
1872 г. в Москве.
Фрагмент западного крыла.
I.Monigetti.
Marine pavilion project
at the Polytechnic exhibition,
Moscow, 1872.
A western wing fragment.

М.Посохин, Л.Дюбек,
А.Шапиро, Л.Мисозжников и др.
Жилой район Северное Чертаново. 1983 г.
M.Posokhin, L.Dubek,
A.Shapiro, L.Misozhnikov et al.
Severnoye Chertanovo residential area.
1983.

«Арх Проект-2».
Конкурс Фонда РЖС
«Дом XXI века»,
2010 г.
Лучший проект
многоквартирного жилого дома.
Arkh-Proyekt-2.
Russian Railways Fund competition.
The 21st century house, 2010.
Best apartment house project.

Анна Норина
Дмитрий Фесенко

О переходных периодах в истории российской архитектуры

Из опыта изучения гомологических рядов

В рамках сложившейся отечественной архитектурной историографии переходные эпохи, как правило, обделены вниманием исследователей. Основной акцент делается на изучении «каналов эволюции», то есть периодов «поступательного развития» архитектуры, в русле той или иной профессиональной парадигмы, переход к которой происходит якобы внезапно, нежданно-негаданно, вследствие прихода очередного правителя, так сказать, в логике произвольного переключения тумблера (1). Причем эта профессиональная парадигма обычно совпадает с доминированием того или иного стилистического комплекса, или, как это называлось в советское время, творческой направленности архитектуры. Однако в данной работе под переходным периодом будет пониматься «перерыв постепенности» не стилистической, а историко-культурной общности – в рамках концепции трехциклового развития российской архитектуры с 1620-х гг. по настоящее время (2): нововременной, приходящейся на 1880-е –

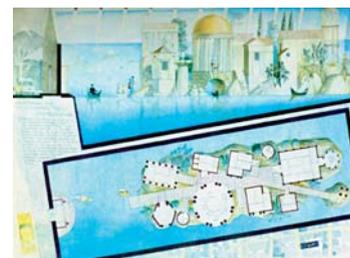
1910-е гг., модернистской – 1980-е – начало 1990-х гг., постмодернистской – предположительно середина – вторая половина 2010-х гг. В последнем случае этот переходный период совпадает с т.н. сингулярностью, отмечающей грядущий антропологический поворот, транзит в направлении постистории (3). Как и историко-культурные эпохи в целом, переходные периоды уплотняются во времени: если первый, как мы видим, составляет свыше трех десятилетий, то второй – порядка десятилетия, о будущем, третьем, совпадающем с сингулярностью, вряд ли что-то можно говорить хоть с какой-то долей уверенности. Именно здесь выведенная историческая логика пресекается, и сколько продлится эта зона турбулентности, равно как и что последует за ней – эти вопросы не ухватываются доступным нам научным инструментарием. Тем более что сингулярности, выявленные на материале других дисциплин (И.Дьяконов, А.Панов, С.Капица, А.Коротаяев, Р.Курцвейль), рассредоточены в диапазоне 2000-2030-х гг., что позволяет говорить о синхроничности сингулярностей (4). Кстати, из этого следует,

что и гомологические ряды на этом хронологическом отрезке с большой вероятностью обрываются, выявленные эволюционные закономерности и алгоритмы уступают место новым. Исследование гомологических рядов в социально-гуманитарных науках пришло из органической химии и биологии. Понятие «гомологические ряды» было сформулировано Ш.Жераром в середине XIX в. и распространялось на группы родственных – с одинаковыми химическими функциями и однотипной структурой – органических соединений (5). Уже в 1920-е гг. Н.Вавилов сформулировал закон гомологических рядов в наследственной изменчивости, в соответствии с которым виды и роды, генетически близкие, характеризуются сходными рядами наследственной изменчивости с такой правильностью, что, зная ряд форм в пределах одного вида, можно предвидеть нахождение параллельных форм и других видов и групп (6). В последнее время все чаще гомологические последовательности становятся предметом изучения специалистов по теоретической истории – в частности, В.Буданова в рамках его концепции ритмокаскадов (7), Л.Бадалян –

* Статья подготовлена в рамках семинара «Синергетика и архитектура» на кафедре философии МАрХИ (рук. доцент Т.В.Макарская).

Л. Кекушев.
 Особняк И. Миндовского на ул. Воровского. 1903-1904 гг.
 L. Kekushev. I. Mindovsky's mansion
 in Vorovskogo Street. 1903-1904.
 И. Пуни.
 Супрематический рельеф. 1915 г.
 I. Puni.
 A suprematic relief. 1915.

А. Великанов, В. Красильников, В. Орлов и др.
 Детский музыкальный театр. 1980 г.
 A. Velikanov, V. Krasilnikov, V. Orlov et al.
 Children Musical theater. 1980.
 М. Белов, С. Бархин.
 Конкурсный проект
 «Квартира для семьи островитянина».
 II премия на конкурсе «Городское жилище»,
 Япония. 1987 г.
 M. Belov, S. Barkhin.
 A competition entry
 of "An apartment for an islander's family".
 2nd award at the "Urban habitat" competition
 Japan. 1987.

Модерн / Зарождение авангарда

Постмодернизм / «Бумажная архитектура»

В. Криворотова – теории исторических техно-ценозов (8), В. Пантина – модели циклов экономической и политической системы (9). Сформулированная одним из авторов статьи концепция трехциклового развития русской архитектуры позволяет спроецировать эту развивающуюся научную традицию на архитектурную историю. А именно – выявить и исследовать исторические гомологи в пределах трех историко-архитектурных разверток – нововременного, модернистского и постмодернистского циклов.

Мы решили начать с переходных эпох, или в рамках данной концепции – агональных фаз, в связи, как уже говорилось выше, с наблюдающейся дискриминацией данной тематики. Что вовсе не исключает последующего распространения апробированной модели на другие гомологически родственные стадии и этапы.

Прежде всего, для описания профессиональной сферы каждого из трех исторических периодов – 1880-х – 1910-х гг., 1980-х – начала 1990-х гг. и середины – второй половины 2010-х гг. – нами приняты следующие основные параметры: **подход к проекти-**

рованию, принципы формообразования и векторы средообразования. Вероятно, впоследствии этот набор может быть пересмотрен и расширен – при условии соблюдения целостности исследуемого объекта. Другим принципиальным инструментом анализа является совместное рассмотрение исследуемой и предшествующей ей исторической стадии, из которой та преемственно вырастает и которую – одновременно – преодолевает, по Г. Гегелю, диалектически «снимает». Тем самым вводятся понятия **фактора отталкивания и фактора идентификации**, известные, в том числе, и по историко-архитектурной литературе – в частности, работам Е. Кириченко (10). Таким образом, на пересечении означенных шести исторических этапов (исследуемых и предшествующих) и трех структурных характеристик архитектурного процесса строится таблица, позволяющая определить и зафиксировать общее между тремя исследуемыми историческими гомологами. Как утверждалось выше, в силу наблюдаемой исторической прерывности, согласно выдуманной концепции, заведомого перезапус-

ка архитектурного процесса, приходящегося на точку сингулярности, середину – вторую половину 2010-х гг., прогнозированию поддаются только основные тренды и паттерны предыдущего периода – конца 2000-х – начала 2010-х гг., в который мы вступаем в настоящий момент. Впрочем, и здесь налицо известное ограничение, связанное с нарастающей в окрестности зоны сингулярности компрессией исторического времени и – соответственно – возможной неартикулированностью, взаимным наложением тенденций и смазанностью общей картины архитектурной эволюции. Первые два среза – институциональный (подход к проектированию) и архитектурный (принципы формообразования) – демонстрируют очевидные резонансные созвучия. Скажем, разведение «полезного» и «изящного», инженерно-технических и архитектурно-выразительных задач эпохи историзма находит параллели в стандартизации – типизации – индустриализации конца 1950-х – начала 1980-х гг. и экономизме и примате критериев энергоэффективности, характерных для сегодняшнего наступления «нового утилитариз-

Переходные периоды	1880-е - 1910-е гг.	1980-е – начало 1990-х гг.	Середина – вторая половина 2010-х гг.(?)
Фактор отталкивания	Историзм	Технологизм	Новый утилитаризм
Подход к проектированию	Обособление «полезного» и «изящного», утилитарных и художественных аспектов, инженерных и архитектурно-выразительных задач	Типологическая организация проектирования. Стандартизация, типизация, индустриализация. Представление о потребителе как абстрактной единице.	Сугубый экономизм решения задач нацпроекта «Доступное и комфортное жилье», распространение проектов повторного применения, примат критериев энергоэффективности.
Принципы формообразования	Стилизаторство. Изображение формы. Повествовательность. Механическое единство. Принцип суммирования равноценных ячеек.	Конвейерная воспроизводимость однотипных элементов и форм. Акцентирование общественных зданий на фоне массовой застройки.	Минимизация выразительных средств. Повторяемость решений. Прагматическая усредненность архитектуры.
Векторы средообразования	Докапиталистическая патриархальность быта и соответствующих ему социально-пространственных форм.	Экстенсивная стратегия городского развития. Демиургизм. Свободная планировка. Модель микрорайона с иерархией радиусов обслуживания. Монотонность и однообразие городской среды.	Фрагментарность видения города. Угнетение ландшафтов. Деградация историко-культурного наследия.
Фактор идентификации	Модерн/Зарождение авангарда	Постмодернизм/«Бумажная архитектура»	?
Подход к проектированию	Синтез архитектуры и искусства. Сосуществование иррационального и рационального проектных подходов. Жизнестроительный пафос.	Понимание архитектуры как искусства. Индивидуализация проектирования. Включающий подход. Обращенность к потребителю.	К междисциплинарному проектированию.
Принципы формообразования	Стилизация/Разрыв с прошлым. Синтетичность художественного видения. Визуализм. Диалектическая взаимосвязь функции, конструкции и формы. Целостность художественного образа.	Плюрализм исторических приемов и форм. Тяга к разнообразию и сложности. Интертекстуализм и экстравертированность. Эклектизм. Нарративность.	К синергии источников формообразования.
Векторы средообразования	Уплотнение застройки и функциональное насыщение исторических центров. Средовой полифонизм. Появление феномена города-сада.	Распространение идеологии ретроразвития. Средовой подход. Контекстуализм.	К синергии урбанистических подходов.

Таблица «Гомологические ряды: переходные периоды в истории отечественной архитектуры».

ма». Явный переко в сторону художественности в понимании архитектуры, акцент на синтезе искусств отличает эпохи неоромантизма, противостояния модерна и неоклассики, зарождения авангарда, с одной стороны, и постмодернизма, у нас в стране ярко манифестировавшего в феномене «бумажной архитектуры», с другой.

Повествовательность, механическое единство формы, принцип суммирования равноценных ячеек, свойственные эклектике, и конвейерная воспроизводимость однотипных элементов и форм эпохи технологизма служат основанием предвидимой уже в наше время минимизации выразительных средств, повторяемости проектных решений, прагматической усредненности архитектуры. Синтетичность художественного видения и визуализм модерна и нарождающегося авангарда рифмуются с экстравертированностью и тягой к разнообразию и сложности постмодернизма.

Что касается урбанистического измерения (векторов средообразования), то здесь гомологические соответствия выглядят не столь определено. Возможно, урбанистическая практика с трудом поддается редукционистски-формульному представлению –

за исключением чеканной модернистской доктрины. Не исключено, что сами временные масштабы существования градостроительства, проще говоря – его инерционность, выходят за 10-летнюю размерность, которой мы в данном случае оперируем. Тем не менее, опыт изучения гомологических рядов, как можно убедиться, обладает определенной эвристической ценностью, в том числе, на материале истории архитектуры. Помимо академического имеет место и его несомненное практическое значение, связанное с известными прогностическими следствиями. Быть может, логика смены геоклиматических зон, стран-доминантов и неэластичных энергоресурсов техноценозов выглядит гораздо более гомологически безупречной (11), однако это доказывает лишь то, что эволюция социально-технических систем с их квантифицируемыми социально-демографическими и экономическими переменными оказывается более формализуемой по сравнению с «размытыми» и «недисциплинируемыми» социокультурными комплексами, к каковым примыкает архитектура. Так или иначе, начатые исследования нуждаются в продолжении, а опробованный исследовательский инструментарий – в совершенствовании и развитии.

1. Подробнее: Фесенко Д. Теория архитектурного процесса: контуры новой парадигмы. – М., Журнал АВ, 2010, с.18. См. также: он же Теория архитектурного процесса: от методологии к анализу и прогнозу – www.intelros.ru/subject/figures/teoriya_arh_processa/6764-teoriya-arhitekturnogo-processa-kak-narozhdayushhayasya-disciplina.html
2. Подробнее: Фесенко Д., указ. соч., с.71-74.
3. См., например: Малинецкий Г. Предисловие. Книга надежды. – Бадалян Л., Криворотов В. История. Кризисы. Перспективы. Новый взгляд на прошлое и будущее. М., Либроком, 2009, с.22-23, Неклесса А. Борьба за будущее – www.intelros.ru/subject/karta_bud/6804-borba-za-budushhee.html#_ftn1 и др.
4. Подробнее см.: Фесенко Д. Архитектура и градостроительство 1950-1980-х гг. с экстрапрофессиональных позиций // АВ, 2010, №3, с.86-90.
5. www.bse.sci-lib.com/article011548.html
6. www.znanie-sila.ru/people/issue_16.html
7. См.: Буданов В. Ритмокаскады. Исторический прогноз для России. – Будущее России. Вызовы и проекты. История. Демография. Наука. Оборона. – Под ред. Г.Малинецкого, М., Либроком, 2009, с.68.
8. См.: Бадалян Л., Криворотов В., указ. соч.
9. См.: Пантин В. Кризисная эпоха 2010–2020 гг. и ее последствия для России. – Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы. – М. Кранд, 2011, с.312–322.
10. Кириченко Е. Архитектурные теории XIX века в России. – М., Искусство, 1986, с.10.
11. Бадалян Л., Криворотов В., указ. соч.